

дентами; усилит интерес к политике и к политическому участию; привнесет практический смысл в изучение дисциплины; сделает возможным показать межпредметные связи политологии с другими дисциплинами различных специальностей, а также будет способствовать выработке аналитических навыков, общекультурных и общепрофессиональных компетенций у студентов любых специальностей, воспитанию у них патриотизма и гражданской ответственности. В этом случае политология имеет шанс отвоевать свое место как обязательная дисциплина для всех студентов, смысл и предназначение которой понятны каждому и не нуждаются в дополнительном разъяснении.

O.N. Fomin

**The Return of the Russian Authority
Ideology into the Framework of the
Traditional Political Culture**

The Russian political space of the post-Soviet period is considered. The content of the contemporary stage of the state ideology formation is analyzed.

Key words and word-combinations: political ideology, political culture, authority, public administration.

Рассматривается российское политическое пространство постсоветского периода. Анализируется содержание современного этапа формирования государственной идеологии.

Ключевые слова и словосочетания: политическая идеология, политическая культура, власть, государственное управление.

УДК 316.75:32

ББК 66.05

О.Н. Фомин

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ
ВЛАСТНОЙ ИДЕОЛОГИИ
В РУСЛО ТРАДИЦИОННОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КУЛЬТУРЫ**

Рассматривая российское политическое пространство постсоветского периода, легко заметить, что происходящие в нем процессы социальных преобразований интерпретируются властью с разных идеологических позиций. Какое общество мы строим? Вопрос о сущности и направленности проводимых реформ не только не снимается с повестки дня представителей политического класса и ученых, но и остается в зоне внимания большинства населения и властвующей элиты. Чьи интересы выражает идеология? Очевидно, что хотя любая идеология апеллирует к поддержке широких масс, но создается она в первую очередь в интересах правящего класса. По определению Ф. Энгельса, «мысли господству-

ющего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями» [1, с. 45]. Безусловно, чем в большей мере эти мысли совпадают или сближаются с мыслями и чаяниями народа, тем меньше оснований для противоречий и взаимного недовольства, тогда как их расхождение порождает нестабильность социума и взаиморастущие претензии. Поэтому можно предположить, что в пространстве власти вопросы идеологического сближения с народом являются одним из центров внимания. Об этом свидетельствуют меняющиеся идеологические ориентиры и пояснения, показывающие намерения власти и предупреждающие о новом направлении политического развития и механизмах его обеспечения. Следовательно, «пространство власти — своеобразная сфера, где принимаются управленческие решения и осуществляется непосредственное руководство государством. Это специфическая область взаимодействия как отдельных личностей, так и целых корпоративных групп или системных институтов; некий ареал, в пределах которого справедливо утверждение: “Власть вершится здесь”» [2, с. 7].

За последние 30 лет, то есть в течение одного поколения, общество пережило смену трех «больших идеологий»: социализма, либерализма и консерватизма. Начало великих перемен связано с избранием М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС в марте 1985 г. Как известно, еще при его предшественнике Ю.В. Андропове были разработаны реформы по оптимизации функционирования советского социалистического общества. Именно их инициировал М.С. Горбачев в 1986–1991 гг. На Пленуме ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. он предложил меры, целью которых было добиться «ускорения социально-экономического развития страны». Эти меры касались только экономики, носили в основном административный характер и не затрагивали существа «развитого социализма».

В проблемном поле данной статьи интерес представляет идеологический результат этих реформ, а он заключается в том, что в марте 1990 г. на III внеочередном Съезде народных депутатов СССР была отменена ст. 6 Конституции СССР. Это означало, что КПСС перестала быть «руководящей и направляющей силой» в обществе. В декабре 1991 г., после подписания Беловежского соглашения о прекращении существования СССР, М.С. Горбачев сложил с себя полномочия Президента СССР. Так окончилась не просто политическая карьера последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, но и судьба великого государства — Советского Союза и официальная гегемония социалистической идеологии.

Новая страна во главе с первым Президентом РФ Б.Н. Ельциным и новым правительством под председательством Е.Т. Гайдара взяла курс на либерализацию, основополагающими ценностями которой являются свободная рыночная экономика, поощрение и охрана частной собственности, устранение административных барьеров и развитие конкуренции, причем внедрять принципы либерализма в постсоветской России приходилось практически с нуля.

Несмотря на то, что большинство населения страны с воодушевлением встречало зарождение нового времени, перемены в экономике и политической системе, в области политики возникло и в течение 90-х годов не ослабевало идеологическое и организационное противостояние между «либералами»

и «коммунистами». Угроза возвращения коммунистов к власти была вполне реальной. Это определяло специфику и характер российского либерализма того времени, главной чертой которого был антикоммунизм. Знаменательно, что его негативная, открыто агрессивная направленность распространялась не только на область коммунистической идеологии как таковой, но и на ее носителей — реальных людей, сформировавшихся в период ее длительного господства и сохранявших приверженность марксизму. Отношение либералов к этому социальному слою было по существу враждебным — как к чужим, «ненужным» людям. Об этом достаточно красноречиво и откровенно высказывались авторы и инициаторы ельцинских реформ и идейные вдохновители президента. Так, «отец российской демократии» Гавриил Попов советовал, что «реставрацию капитализма лучше всего начать путем повышения цен, сокращения доходов, обесценивания сбережений населения и затем — дележа собственности. Население, как говорил «архитектор перестройки» Александр Яковлев, должно полностью лишиться сбережений и привычных гарантий, тогда оно научится жить и работать так, как ему прикажут. Вот такова идеология» [3].

Реальный ход либеральных реформ, их тяжелые для населения страны результаты сделали для поддержания ностальгии по социализму и сохранению коммунистической идеологии значительно больше, чем либералы могли достичь путем целенаправленной идеологической работы. Тем не менее капиталистические отношения начали активно утверждаться в России, появились собственники средств производства и природных ресурсов. Идеологическая победа либерализма была зафиксирована в Конституции РФ, принятой в 1993 г. В ней были реализованы все принципиальные положения либерально-демократической идеологии: признание частной собственности и ее защита, идея народного суверенитета, доктрина правового социального государства, концепция прав человека, теория разделения властей, принцип политического и идеологического плюрализма и т.д. Но реформы шли значительно труднее, чем, по всей видимости, предполагалось. Разрушение советской экономики не сопровождалось ростом нового капиталистического производства. Вместо этого активизировалась тотальная приватизация государственной собственности и борьба за ее перераспределение. На фоне этого продолжалось разрушение социальных связей, размывание национальной идентичности, все более отчетливо обнаруживалась непредсказуемость верховной власти, угроза распада государства. Кредит доверия народа к власти неумолимо снижался.

Все это усугублялось тяжелым экономическим положением населения. В 2000 г. Росстат опубликовал данные, по которым доходы самых богатых и самых бедных граждан отличались в 13,9 раза. По оценкам ВТО, если доходы бедных и богатых различаются в 14,2 раза, в стране возникает реальная опасность социальных волнений. Под руководством либеральных реформаторов уже в 2003 г. Россия вышла за эту опасную границу. Доходы самых богатых и самых бедных стали отличаться в 14,3 раза. Однако и с этими цифрами согласились не все. Так, по мнению зампреда партии «Яблоко» Сергея Митрохина, они были занижены: при расчетах уровня жизни не были учтены в полной мере расходы на коммунальные услуги, поглощающие большую часть доходов граждан, а также уровень инфляции [4].

Реакция населения на либеральные реформы сказалась на результатах избирательных кампаний. Но проблема усугублялась не только негативными экономическими последствиями реформ для основной массы населения (что, кстати, либералы вынуждены были признать и, как следствие, включить в свою риторику, наряду с правами человека, и социальную справедливость). Следует иметь в виду, что либерализм в России, особенно в общественном сознании, никогда не являлся приоритетным, что объяснялось отсутствием его социальной базы (основы) — среднего класса, вытекающей отсюда бедностью и бесправием большинства населения; сакрализацией верховной власти; постоянными внешними угрозами стране и, следовательно, тому минимальному благополучию, которое сохранялось. Проблема для либералов усугублялась еще и тем, что они полностью стояли на позициях западного либерализма, рассматривали себя как представителей мировой культуры цивилизации и требовали открытости перед западной традицией, культурой, опытом. Здесь они, безусловно, расходились и расходятся во взглядах и с представителями современной российской коммунистической идеологии (все еще сохраняющей определенные позиции в политической системе), видящей во влиянии Запада причину большинства проблем сегодняшней России, и со сторонниками консервативной идеологии, отстаивающими самобытность российского пути развития.

С точки зрения либералов, все рассуждения о патриотизме и государственности — это лишь политические технологии их идейных противников для завоевания популярности у населения, игра на его исторической памяти, на трагедии Великой Отечественной войны или успехах покорения космоса. Заметим, что подобные методы, доведенные западными технологами до уровня манипулирования сознанием масс, первыми начали широко применять именно представители правых сил в своей антикоммунистической пропаганде в 1990-е годы. При этом антикоммунизм на деле эволюционировал в антипатриотизм, что заметно и надолго пошатнуло авторитет российских либералов. Учитывая, что именно патриотизм является важнейшей, фундаментальной основой нравственной жизни россиян, из которой вырастает чувство национального достоинства жителей великой страны, ближайшие перспективы либеральных сил в стране малоперспективны.

Конечно, либеральные идеи не исчезнут: они имеют своих сторонников и апологетов, часть из них уже реализована. Многие либералы руководят бизнес-структурами, работают в органах власти, возглавляют вузы и финансовые организации, контролируют СМИ, информационно-коммуникационные сети и учреждения культуры. Тот факт, что либеральная идеология была вынуждена защищаться и отступать, свидетельствует о растущем расхождении в понимании вектора развития страны между либеральной элитой России и ожиданиями основной массы населения страны. Проблема либеральной элиты состояла и в том, что именно она взяла на себя ответственность за страну в постсоветский период и, как уже указывалось, период этот оказался одним из самых драматичных в современной истории нашей страны. Нынешняя правящая элита, конечно, вправе ставить памятники своим правым лидерам, но у

населения данная идеология все более вызывает отторжение. Так закончилось политическое противостояние коммунистов и либералов в России в последнее тридцатилетие, выпавшее на конец XX и начало XXI в.

В новых условиях правящей элите, если она хотела сохранить властные позиции, пришлось скорректировать свой курс и его идеологическое обоснование. Новый капиталистический класс в политическом пространстве и новая капиталистическая элита в пространстве власти должны были заменить тех, кто выполнил задачу по уничтожению социализма и заложил основы капитализма, тем более что мировой капитализм вступил в цикл мировых кризисов, расшатывающих систему капитализма в целом. Россия перестала быть для западного мира классовым врагом, но не перестала оставаться конкурентом в экономической, социальной, политической, идеологической, информационной сферах. Война за передел мира требовала выработки и утверждения внутри России охранительной идеологии. Эта миссия была возложена на сторонников консерватизма. Однако необходимо отметить, что если идеология современных российских либералов практически мало чем отличается от идеологии их западных единоверцев, то идеология наших консерваторов весьма отличается от западных аналогов.

Не будем глубоко вдаваться в историю российского консерватизма, тем более что его ортодоксальные положения не представляются сегодня актуальными. Правильнее, с нашей точки зрения, рассмотреть те направления, которые в большей мере соответствуют реалиям настоящего времени. Речь идет о либерал-консерватизме и социал-консерватизме в определении А.Г. Дутина [5]. Первые систематизированные идеи об охранительстве и развитии России, означавшие по сути сближение консервативных и либеральных позиций, сформулировал крупнейший философ права конца XIX в. Б.Н. Чичерин. Он оперирует понятием консервативного либерализма, который исходит из того, что «...принцип личной свободы и прав человека в обществе может быть осуществлен лишь при условии ограничения “внутренне” (духовно-нравственно и религиозно) и “внешне” (правом, законом, сильной властью)». Определяя сущность охранительного либерализма, Чичерин подчеркивал, что он «состоит в примирении начала свободы с началом власти и закона. В политической жизни лозунг его: либеральные меры... обеспечивающие права граждан... сильная власть, блюстительница государственного единства... охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона... разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий» [6, с. 52, 199–200]. Именно такой тип политических отношений наиболее соответствует традиционной российской ментальности. Эту консервативную черту российского народа очень тонко подметил другой русский ученый — историк и философ Г.П. Федотов. Оценивая итоги революции 1917 г., он отмечал, что русский народ предпочел свободе государственную мощь: «Сознательно или бессознательно он сделал свой выбор между национальным могуществом и свободой» [7].

Современный консерватизм на Западе (неоконсерватизм), актуализированный экономическим кризисом 1970-х годов, ростом протестных движе-

ний молодежи, развитием интернет-технологий, сохраняя свои традиционные ценности в меняющемся мире, предложил их обновленный вариант. Он включает и приверженность рыночному хозяйствованию, и привилегии отдельных групп населения, приоритеты семьи, но при этом предполагает сохранение универсальных нравственных устоев и ценностей, взаимответственность гражданина и государства, крепкое государство и стабильность.

Если либеральная модель отношений государства и человека строилась на полной автономности гражданина, то неоконсерваторы провозглашают взаимответственность за сохранение гармоничных отношений в обществе на основе моральных принципов и закона. Такой подход характерен для европейских неоконсерваторов с их склонностью к сохранению социокультурной среды, активизации человека, усовершенствованию нравственности. Американские неоконсерваторы больше озабочены управляемостью обществом со стороны государства и защитой последнего от «социальных перегрузок». Важно, однако, что в обоих случаях «неоконсерватизм, согласовав рациональное отношение к действительности с моральными принципами, дал людям ясную формулу взаимоотношений между социально ответственным индивидом и политически стабильным государством» [8].

Именно этого ожидало от политического класса разочаровавшееся во власти за время либеральных реформ, уставшее население новой капиталистической России. Покоя, гарантий и надежд требовала страна. Люди ждали этого от государства, от лидера страны. Свою консервативную позицию Президент РФ В.В. Путин изложил в ежегодном Послании Федеральному Собранию 2013 г. «Мы знаем, — сказал он, — что в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира. Конечно, это консервативная позиция. Но, говоря словами Николая Бердяева, смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к первобытному состоянию» [9].

Определяя свою политику как консервативную, президент исходит из прагматических интересов. Новая страна должна «вырастать» из традиций, культуры и истории, а не конструироваться на крови и жертвах, как это было в ходе коммунистической и либеральной революций. «Так, потери населения за 1992—1997 гг. составили свыше четырех миллионов человек. Общие же демографические потери России с учетом умерших и неродившихся в силу неблагоприятных социальных условий превысили 10 миллионов человек. Для сравнения отмечу, — указал в обвинительной речи 1999 г. В.И. Илюхин, — что за время Гражданской войны (1918—1920 годы) численность населения страны сократилась на 2,8 миллиона человек. К 2005 году население России может уменьшиться еще на 9—10 миллионов человек» [3]. Возможен ли этот путь в рамках консервативной (или ее разновидности — неоконсервативной) идеологии, будет зависеть от умелого сочетания интересов носителя власти [2], элиты и народа.

Элитные группы, приближенные к власти и функционирующие вместе с ней в сфере государственного управления, имеют громадный управленческий опыт и компетентность, что позволяет им в некоторые моменты истории становиться доминирующим фактором в пространстве власти, фактически управляя процессами государственного функционирования. Как указывает В.А. Гуторов, российская бюрократия вместе с членами своих семей составляет сейчас более 30% населения России: «Это самый внушительный слой, у нас нет среднего класса, но у нас есть уже сформировавшаяся региональная и общероссийская бюрократия (я уж не говорю о “новых русских”). Добившись определенных успехов, они становятся самыми примитивными консерваторами только потому, что хотят сохранить тот порядок, который они только что создали» [5]. О стабильности и порядке мечтает и большинство населения нашей страны. Однако эти мечтания не имеют под собой материальной основы. Как пишет П.А. Цыганков, «экономические санкции США и подчиненных им стран против России, попытки вытеснения ее с международных торговых и политических рынков, эскалация военной напряженности вблизи российских границ, искажение истории, дискредитация решающего вклада советского народа в победу над фашизмом во Второй мировой войне, информационная агрессия и нагнетание русофобских настроений в мире через глобальные СМИ представляют собой элементы широкого наступления на нашу страну, важная роль в котором придается инструментализации и самого термина «гибридная война» [10, с. 26]. Снижающийся уровень жизни, порожденный ошибками управления, и коррупцией, и тем, что П.А. Цыганков назвал гибридными войнами, лишает Россию социальной основы для идеологий состоятельных классов: либерализма, консерватизма и социал-демократии. Позволить себе это могут только элиты и средний класс. Именно им нужны соответствующие политические партии для системного конкурирования с властью.

Для остального большинства населения остаются либо вера в вождя, лидера — подлинного носителя власти, отвечающего за свой народ (и это лучшая из альтернатив), либо полная свобода от всего в стиле постмодерна, либо участие во внесистемных ультраправых и ультралевых организациях, либо, и это последнее, виртуальный мир Интернета для онлайн-свободы от офлайн-угроз.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 3.
2. Андреев Д.А., Бордюгов Г.А. Пространство власти от Владимира Святого до Владимира Путина: краткий курс, X–XXI вв. М., 2004.
3. Илюхин В.И. Обвиняется Ельцин: речь главного обвинителя – председателя Комитета по безопасности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Виктора Ивановича Илюхина в процедуре конституционного отрешения Президента РФ Б.Н. Ельцина от занимаемой должности в мае 1999 года. URL: <http://pomnimvse.com/396pb.html>
4. Гулютин А. Жить стало веселее: Третью всех денег приходится в России на 10% самых богатых людей, 4 мая 2005 г. URL: <http://www.ural.ru/news/business/2005/05/04/news-48808.html>
5. Современный российский консерватизм (круглый стол) // Журнал ПОЛИТЭКС. URL: <http://www.politex.info/content/view/439/30/>
6. Чичерин Б.Н. Различные виды либерализма // Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862.

7. Федотов Г.П. Россия и свобода // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т. 2. С. 276–303.
8. Афонасова А.В. Либеральный консерватизм в системе идеологий // Вопросы управления / Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2012/01/2/>
9. Путин В.В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, 12 дек. 2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>
10. «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI в. / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015.

A.I. Demidov

**Discourse Political Practices
as Types of “Mental Action”**

The concept of political discourse is interpreted. The role of political technology in the contemporary social process is considered. Features of the contemporary discourse political practices are analyzed.

Key words and word-combinations: political discourse, discourse political practices, liberalism, conservatism.

Интерпретируется понятие политического дискурса. Рассматривается роль политических технологий в современном общественном процессе. Анализируются характерные черты современных дискурсивных политических практик.

Ключевые слова и словосочетания: политический дискурс, дискурсивные политические практики, либерализм, консерватизм.

УДК 32.01
ББК 66.04

А.И. Демидов

**ДИСКУРСИВНЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ
КАК ВИДЫ
«МЫСЛЕДЕЙСТВИЯ»**

Понятие «дискурсивная практика» было введено Мишелем Фуко, стремившимся выразить в нем сложность феномена «мыселедействия»: зарождения мысли в глубинах сознания и человеческого опыта, вариативность ее перехода в поступок, трансформации в практике и ее же новое движение в виде опыта и его осмысления. Она представляет собой «совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического и лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания». Она строится на принципе «всего никогда не сказать» [1, с. 118–119]. Дискурсивный анализ активно используется в современном гуманитарном знании, что отражает углубление понимания значения коммуникации в политике и языка как основного содержательного средства ее осуществления.